

Коробки Голди роняет: Генерал опять бросается под ноги. Мурлычет извинения, полосатой мордой трется об неё, лапкой сгоняет в кучу разбросанные ёлочные шарики.

— Мам?.. — врывается в дверь вместе с рыже-черной макушкой Кэрол.

— Всё хорошо, — улыбается Голди так до конца и не заслуженному статусу. — Гирлянду найду, и пойдём украшать.

— Попросила, я бы помогла. — И наклоняется к золотой статуэтке, завернутой в слой полиэтилена. — Твоё?

— Нет. — Голди на ощупь разворачивает звезду с эмблемой из перекрещенных пальм, чьи детали помнит до сих пор. — Мэттью.

— Мэттью Хэмминг? Ты и с ним работала?

— Ну как... — Перед глазами Голди вновь встаёт пропахший алкоголем и смогом юноша, который и сам не осознавал, зачем пришел в её актёрское агентство. — Работал он сам, я лишь не давала лениться. И вот это, — ставит звезду вертикально, — целиком его заслуга.

Кэрол молчит, Голди поглаживает золотой луч и продолжает:

— Под Винтерфест звоню ему: поздравляю, ты номинирован на «Старлайт», жди меня на награждении. Платье заказала, седину подкрасила, вышла и... поскользнулась.

— Три недели лежала в больнице, — понуро кивает Кэрол.

— Так горько было. Ты пришла поздравила, врач позддравил, а звезда моя даже не звонит. Обиделся, думаю — и тут вносят в палату вот это. С открыткой. — Голди вынимает её из коробки и наизусть зачитывает: — «Счастливого Винтерфеста! Бесконечно благодарный, Мэттью Хэмминг».

— Вот это да. До сих пор общаетесь?

Голди прячет глаза: честный ответ не устроит Кэрол, лживый — её саму. Из гостиной жужжит телефон напоминанием: ещё не поздно.

— А знаешь, — встряхивается Голди, — покажи последний раз, как пользоваться этим вашим «Социальным кроликом». Отправлю открытку.